

Александр Холин

КАЛИНОВ МОСТ

Александр Васильевич Холин

Калинов мост

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63085898

Аннотация

Книга стихов в нескольких циклах.

Содержание

ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА	8
БАЛЛАДА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ	10
«Что случилось снова с вольною Россией...»	11
«За окнами гуляет новый век...»	12
«Осеннего солнца овал...»	13
ПЛАЧ	14
«Я превратил себя в раба...»	15
БАЛЛАДА О СМЕРТИ	17
«Мой сон, как сонный парк осенний...»	18
РЕКВИЕМ	19
«Было принято в мире ошибки прощать...»	20
«Нулевое пространство-время...»	22
«Опять собираюсь в дом...»	23
«Не пели...»	24
БЕССМЫСЛЕННЫЙ ПОДВИГ ЯСОНА	26
«Я сегодня грущу по причине...»	27
«Мой образ мрачного шута...»	28
«Нет у меня ни друзей, ни врагов...»	29
«Пронзительная проза. Но в стихах...»	30
«Как прежде, бегу и тону...»	31
«Я замкнут в замкнутом пространстве...»	32
«Отщебетали в парках птицы...»	33
«Пыльный дух отгоревшего дня...»	34

«Познавая сущность Иисусности...»	36
«На этом весёлом свете...»	37
«На медных крышах солнце пламенеет...»	38
«Летит над болотом зелёная мреть...»	40
«Ты меня разбуди, но только...»	41
«Постоянный страх оказаться вне...»	42
«Что-то в мире сложилось не так...»	44
«Сегодня будет ураган...»	45
«Спасибо, Господи, за боль...»	46
«Эти огненно-снежные волосы...»	47
«Жизнь потеряла всякий смысл...»	48
«Ночь...»	49
«Снова Пасха. И снова снег...»	50
РОМАНС	51
«Боль мою не измерить словами...»	52
«Исчезают хрустальные замки...»	54
«По острогрудым ветхим крышам...»	56
«Кружится зима снежная...»	57
«На небе месяц, словно шрам...»	58
«По задворкам нахальная выюга...»	59
СОН	60
«Нет ничего необычного...»	61
«Смейся...»	62
АРМАГЕДДОН	63
«А можно ли тебя заставить жить...»	66
«Мне снилась белая страна...»	67

У ВХОДА В ИЕРУСАЛИМ	68
«Жил я, с собой соглашаясь и споря...»	71
«Новое время...»	72
«Оставляя свои раздумья...»	73
«Тень моя в тьме замороженных улиц...»	74
«Что сказать мне о белом дне...»	75
НА ПОГОСТЕ	76
«Перестук колёс, перестук...»	77
«Обрывки грязных словоблудий...»	78
«Монархия света, монархия тьмы...»	80
ОТКРОВЕНИЯ ЕРЕСИАРХА	82
«Расставляются точки над...»	85
ВОЛЬНЫЙ КАЗАК	86
«Покровский отблеск октября...»	87
«Русь моя – нить неразрывная...»	88
«И опять непосильное счастье...»	89
«Снова шагаю по льду босиком...»	90
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РОДИНЕ	91
«Восток ещё дремал...»	94
«Я остался один...»	95
«Расскажи мне про то, что давно называют любовью...»	96
«Лекарственной болью октябрь полыхает...»	97
«Не заставляй меня проснуться...»	98
«Словно свет в воде багровой...»	99
БОЛЯРЫНЯ МОРОЗОВА	101

«Я на Чёрный Покров в ноги вам поклонюсь...»	103
«Небо проснулось от птичьего грая...»	105
«Ах, как больно...»	106
ЕРЕСИАРХ ВСЕЯ РУСИ	107
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	109
«Штормовыми волнами...»	110
«Говорили, что лето, настанет хорошее лето...»	112
«Настанет день сиятельной надежды...»	113
ТАЙНА РОССИИ	114
ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО РОДИНЕ	115
«Снова еду по России...»	117
МОСКВА	120
«Те же кочки да ямы...»	122
«Воздух потеет...»	123
«Меня позвали как-то раз...»	124
«Придурью малость разбавлена...»	126
ПРАВОСЛАВНЫЙ ХОЛУИН	127
ЗАСИЛЬЕ МАТЕРЩИНЫ	129
«Перестук колёс вагонных...»	131
«Морозный запах октября...»	132
«Я шагаю по грани возможности...»	134
«Упал и поднялся, и снова упал...»	135
«Спит зима в неусыпной метели...»	136
«Снова собираю я камни по России...»	137
«Унылый дребезг. На столе...»	138
ДРАМА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «МАСКАРАД»	139

«Осенний день и непогодь горька...»	140
«Москвабад – словно острая кость...»	141
НАЕДИНЕ С ПАМЯТНИКОМ Н.В. ГОГОЛЯ	144
ПРИНЦИПАЛЬНЫЙ ВОПРОС	145
ОВИДИЙ	146
«Нас суета суёт в столпотворенье...»	148
«Суки вонючие правят страной...»	149
«Как по канату, по судьбе...»	151
«Слушаю Цоя...»	152
БАЛЛАДА ОБ ОТШЕЛЬНИКЕ	153
«Ласкают листья позолотой...»	155
«Старый город, задушенный смогом...»	156
«Тень моя занавеской в окне...»	158
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	159
«Хлопья снега кружат над землей...» 17–	160
21.08.91 или агония СССР	
«Словно снег растаяла свеча...»	161
«Прошу, не верь в опалу октября...»	162
«Так неудобно к шороху за дверью...»	163
«Жалкий жест...»	165
«Мне бы лечь и уставиться в ночь...»	166
«Навзрыд...»	167
КНЯЖНА	168
«Два зеркала...»	171
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Александр Холин

Калинов мост

ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА

Спасибо, Господи, за боль
и за Любовь, что мне послал!
Я жизнь – несыгранную роль —
ещё в стихах недописал,
недоболеел, недолюбил,
недомолился перед сном,
и недопонял, что не мил
кому-то в городе пустом.
Опять блуждая по судьбе,
то неприютен, то весёл,
я вновь и вновь скажу Тебе:
Спасибо, Господи, за всё!
Я снегом белым упаду,
когда полночный город стих,
и Вифлеемскую звезду
я отражу в глазах своих.

БАЛЛАДА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Смутный голос во мне возник,
как прямая черта пунктира:
– Где кончается твой язык,
возникает граница мира!
Но я русич! Ужель во мне
языковый барьер и пена?
За Россию сгореть в огне,
в землю вбитым быть по колено?
Я же русич! Ужель во мне
только злоба, стремленье к битве,
словно страннику на коне
не нужна о любви молитва?
Снова голос, как будто рык,
раздающийся из надира:
– Где кончается твой язык,
возникает граница мира!
Значит, всё же наоборот!
Глас сомненья с меня снимает:
ведь любовь только там живёт,
где тебя всегда понимают!

«Что случилось снова с вольною Россией...»

Что случилось снова с вольною Россией?
Ей сменил обнову вроде как Мессия.
Заиграли дудки в полдень раскалённый,
пляшут незабудки – все они гулёны.
Не откусишь злата, не поймёшь несчастья.
Русь не стала свята в денежном ненастье.
Всякий рвётся к власти – это стало модным!
Где же наше счастье? Что же наши годы?
Не хватает силы взлёту на изломе,
но живёт Россия в лютом буреломе!
Но пройдёт невестой в клевере и мяте!
Все мы будем вместе с нашей Русью святы.
Пьяные дворяне – в лоскуты, в дремоту.
Все мы россияне, все мы обормоты...

«За окнами гуляет новый век...»

За окнами гуляет новый век.
Но что ему? Ему никто не нужен.
Лишь время укорачивает бег,
Одетое в плюмаж из белых кружев.
Лишь на каноне тонкая свеча
рыдает об исчезнувшем столетье.
и ветер, по привычке в дверь стуча,
плетёт свои таинственные сети,
которыми опутаны дома.
Январь упрямо день за днём листает
и кажется, что белая зима
пришла затем, чтоб больше не растаять.
Но лёгкий бриз в июльскую жару
и вспоминаю: так меня ласкала
прекрасная царица на пиру
и Золушка, желающая бала,
Воздушное касание руки,
как ветерок, тревожит и ласкает,
Мы так с тобою были далеки,
волшебница по имени Морская.

«Осеннего солнца овал...»

Осеннего солнца овал.
Опала листва. И твоими
глазами я бредил и звал,
и тихо шептал твоё имя.
Ранимый – поэтому хам,
беспечный, как рыцарь удачи,
в душе не построивший храм
и видевший как-то иначе
всю эту беспутную жизнь,
которая будет иною
лишь после гулянок и тризн,
и, может быть, нового Ноя.
Осеннего солнца овал.
Забыто заветное имя.
Я жизнь беззаботно проспал,
но с бабами...
И какими!

ПЛАЧ

Ну, куда же ты, скажи мне, идёшь?
Без меня ты все равно пропадёшь.
Тихо ляжет перекрёсток дорог
нерешённой проблемой у ног.
Много было, много будет и есть
самых нежных, самых правильных здесь.
Но на том, на непроезжем пути
никого тебе уже не найти.
Ну, куда же ты из дома в бега,
даже если за порогом снега,
даже если стынь и стон, и война...
Ты забыл, что я осталась одна!
Ты идёшь туда, где жизнь-круговерть,
а найдёшь невесту с именем Смерть.

«Я превратил себя в раба...»

Я превратил себя в раба
страстей, эмоций и желаний.
Тяжёлый смрад воспоминаний
в ночи, как чёрная звезда.
Баланс на грани острья!
Обломок взорванной планеты
сверлит вселенную. Но это
всего лишь точка бытия.
Зеленоглазая змея
свилась клубочком возле чаши.
Эквилибрист весельем страшен,
тропарь Пришествию поя.
Не я восстану из земли,
красуясь белыми костями,
не я, а тот, кто жил страстями,
да сжег мосты и корабли.

БАЛЛАДА О СМЕРТИ

Я пел её. Я пел о ней
Во время взлетов и уныний,
безумный маленький Орфей
в огромной гибельной пустыне.

Остынет мир в объятьях сна.
И вот она легка, капризна
идёт, как счастье, как весна,
как возрожденье к новой жизни.

Мы все живём полушутя.
Как ни крути, но так бывает:
любая мать, родив дитя,
его же к смерти обрекает.

Ах, первородный этот грех:
любовь к ушедшему.
И ныне
пою ее – богиню всех —
в огромной гибельной пустыне.

«Мой сон, как сонный парк осенний...»

Мой сон, как сонный парк осенний.

Я верен сердцу своему.

В секунде тысячи мгновений,
не улетающих во тьму.

Но в парках золото слетает
на серый жертвенник аллея.

в её глазах снежинка тает

И словно шепчет:

Пожалей!

Милей тебе октябрь и злато,

чем невесомый белый пух,

но он покроет меч и латы,

и щит, и упряжь. Это дух —

он сам, как лёгкая пушинка.

Смотри в глаза её, смотри!

Там только белые снежинки.

Ни дня.

Ни ночи.

Ни зари.

РЕКВИЕМ

Умирают мои рассветы,
превращаются дни в закаты.
Скажет кто-то: он был поэтом
не сейчас, а тогда когда-то.
Латы ржавчина источила,
истончала былая доблесть,
поубавилась даже сила
и ещё потерялась совесть.
Повесть о настоящем друге
про меня сочинит девчонка.
И сокроет шальная выюга
белый абрис и голос звонкий.
Не услышу я песнопений
ни ругательных, ни хвалебных,
но словами стихотворений
я украшу в церквах молебны.

«Было принято в мире ошибки прощать...»

Было принято в мире ошибки прощать
тем, кто веселы, песенны, юны.
И не стоит внимания впредь обращать
на оскал многоликой Фортуны.
Пусть в избушке моей ни воды, ни огня
и с Пришествия грязные сенцы.
Я же юн от рожденья, простите меня!
Я навеки останусь младенцем.
В дюнах ветер игриво валяет песок
и на полюсе льды провалились.
Что случилось?
А просто берёзовый сок.
Что случилось?
А люди влюбились.
Просто вновь прорывается солнце в зенит
и мотор не взорвался на взлёте.
Память предков опять человекам хранит
Для чего? —
вы меня не поймёте.
Или, может, поймёте по-своему.
Так понимали во Франции Жанну.
Понимали в огне Аввакума и мрак
опоясавший пламя Джордано.

Всем любезен огонь и веселье захлёб:
на углях рождено Возрожденье.
Что случилось?
А просто растаял сугроб
И грядёт соловьиное пенье.
И не ждёшь никаких человеческих благ —
просто радость творца и творенья.
Я же юн от рожденья.
Рассеется мрак
под волной соловьиного пенья.

«Нулевое пространство-время...»

Нулевое пространство-время
замыкается на нуле.

Я в нем заперт навеки с теми,
кто возрос на земной золе.

И, мечтая прослыть героем,
рвался в небо и в никуда,
и прозрачные замки строил
на экваторе изо льда.

Но слепой сединою сыплет
нуль-пространство из облаков
и в песчаной зыбучей зыби
дремлет родина дураков.

Жить живьем нелегко,
но всё же,
словно буквы одной строки,
мы же светлые, мы же Божьи!
Даже если и дураки.

«Опять собираюсь в дом...»

Опять собираюсь в дом,
в котором меня не ждут,
который идёт на слом,
где души и песни жгут.
Я там собираю дым
потушенных сигарет
да призрачные следы
летающих сквозь ночь карет.
И лёгкий – через века —
кокетливо-томный взгляд.
И только к строке строка
Не строится...
ну, никак.

«Не пели...»

Не пели.

Не пили больше

Друзья мои “за упокой”!

Я жил нелюдим и брошен
уже неживой судьбой.

Зачем же по мёртвым плакать,
тем более голосить?

Опять под ногами слякоть

у тех,

кто остался жить.

А мне, может быть, не плохо

в загробном моём миру:

стихов подбираю крохи,
как пряники на пиру.

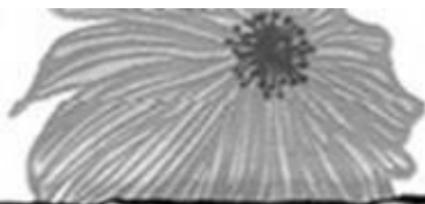
Пусть жизнь ваша будет сладкой,

пусть лето,

пусть снегопад.

За вами следит украдкой

мой грустно-веселый взгляд.

БЕССМЫСЛЕННЫЙ ПОДВИГ ЯСОНА

Платино-оранжевая шкура
некогда игривого барана —
глюк почище пьянок Эпикура
и семи чудес Мазандарана.
Рана умирающей Эллады,
надо ли грустить о шкуре этой?
Но кому-то счастья всё же надо,
и, конечно, вечного рассвета.
Раздобыли доблести в Колхиде
(не без женской хитрости понятно),
мол, теперь в Элладе все увидят
кто им счастье привезёт обратно.
Но не заструились мёдом реки,
клячам не прибавилось аллюра
и беспечные – как, впрочем, все мы – греки
пропили сиятельную шкуру.
Игры у разбитого остова
волнами исхлёстанного “Арго”.
Да, он жил до Рождества Христова
и не знает кисти Леонардо.

«Я сегодня грущу по причине...»

Я сегодня грущу по причине,
что не держат тебя тормоза.
– Я подарок любому мужчине, —
ты сказала, потупив глаза.
Бьются тёмные волны о камень,
бьются в небе клочки облаков.
С кем ты:
с жертвами? со стрелками?
В лёгком клёкоте чёрных курков.
Ты ничуть не подвластна кручине,
соболиные брови вразлёт.
Ты подарок любому мужчине,
как “Титанику” айсберга лед.

«Мой образ мрачного шута...»

Мой образ мрачного шута:

тщета стремлений и желаний
и горький скарб воспоминаний,
души и тела нищета.

Проста обыденная мысль:

Жить безсеребренником глупо.

Но кто там, кто словами скупю
пронзает взмыленную высь?

Но кто там, кто на край небес,
как на кон, свой талант поставил,
кто плакать девочку заставил
от счастья в облаке чудес?

Кто у святого алтаря

познал свет разума и веры?

Но день и снег сегодня серый...

но никого...

Ошибся я.

«Нет у меня ни друзей, ни врагов...»

Нет у меня ни друзей, ни врагов.
А заводить – это надо ли?
Шорохом лёгких девичьих шагов
небо расколото надвое.
Шёпотом мудрых сидящих лип
склеило время столетия.
Чудится мне то ли смех, то ли всхлип.
Дождик, по-старчески сетуя,
сеется нудно на крыши домов —
льёт из раскола небесного,
не превращаясь ни в лёд, ни в вино,
ни в отраженье чудесного
шёпота мудрых сидящих лип.
Как отозваться хотелось мне
на не слышанный смех или всхлип!
Жаль, не хватило ни смелости,
ни обаятельных нежных стихов
в вешних соцветиях радуги.
Нет у меня ни друзей, ни врагов.
Да и не знаю: а надо ли?

«Пронзительная проза. Но в стихах...»

Пронзительная проза. Но в стихах.
Стихи еще пронзительней. Но в прозе.
Цветет нарцисс, мечтающий о розе,
а роза прозябает в лопухах.
Не в прозе ли покоится душа?
Восстав из пепла, скоро станешь прахом
и в будущее верится со страхом,
и душит полночь.
Мерно.
Не спеша.
Пороша хороша для ноября:
прикрыть больную слякотную землю.
Но трудно промороженному стеблю
дрожать и верить, что взойдет заря.
Не говоря своим, чужим – любим
о чистой прозе стихотворной строчки
и о стихах, что в прозу вкрались ночью,
я – всплеск огня и я – тягучий дым.

«Как прежде, бегу и тону...»

Как прежде, бегу и тону
в сумятице призрачных дел.
Я встретил тебя потому,
что встретиться очень хотел.
Я встретил тебя потому,
что небо смотрело на нас
сквозь неощутимую тьму
миллионами ангельских глаз.
Не встреча, а так, пастораль
прозрачного небытия:
зачем тебе циник и враль,
зачем мне стандартность твоя?
В сумятице призрачных дел
бегу, догоняю, лечу.
Я радости дать не сумел,
Печали твоей – не хочу.

«Я замкнут в замкнутом пространстве...»

Я замкнут в замкнутом пространстве
осенним солнечным лучом,
ловлю себя на окаянстве,
но не жалею ни о чём.
Плечом раздвинув ночь пустую,
себя пытаюсь обмануть.
Опять вокруг зима лютует,
засыпав снегом торный путь.
Заснуть бы тихо, безучастно,
сказав печальное “Прости...”
Пусть будут счастлива и счастлив
те, кто встречались на пути.
Но снова в замкнутом пространстве
то взрыв, то вихрь, то круговерть.
И жизнь прекрасна в окаянстве,
когда за ней маячит смерть.

«Отщебетали в парках птицы...»

Отщебетали в парках птицы,
но город требует поэм.
И по столице след искрится
пахучих белых хризантем —
тотем не для богатых нищих
и не для нищих богачей.
И в подворотнях ветер ищет
мерцанье трепетных свечей.
Ключей от рая не отыщешь.
Но почему же там и тут
в часовню старого кладбища
молиться странники идут?
Падут снежинки на дорогу
неразрешённых мной проблем.
Но след людей, идущих к Богу,
в благоуханье хризантем.

«Пыльный дух отгоревшего дня...»

Пыльный дух отгоревшего дня
и полынное слово: прости!..
С языком золотого огня
ты меня отпусти, отпусти.
Отпусти ты меня на простор,
где осколки луны в небесах
начинают пустой разговор
о грядущих несбыточных снах.
Отпусти, я прошу, отпусти!
Ждёт меня мой не пройденный путь.
И полынное слово “прости”
позабудь, как меня, позабудь.
По разбитой гуляю луне —
я опять у судьбы не в чести.
Что ж ты снова приходишь во сне?
Отпусти ты меня, отпусти.

«Познавая сущность Иисусности...»

Сестре Галине

Познавая сущность Иисусности,
руки на груди сложив крестом,
быть хочу искусным в безыскусности,
но не указующим перстом.
Оставляя в прошлом страсть и страстности,
тайну покаяния познать
я хочу. Хочу причастности
к Истине Пресветлой.
Исполать!
Познавая сущность Иисусности,
руки на груди сложив крестом,
я познаю сущность Иисусности
в самом сокровенном и святом.

«На этом весёлом свете...»

На этом весёлом свете
мне не нужны слова
и я на дорожной ленте
заметен уже едва
среди миллионов нищих
и мудрых, как жизнь, бродяг.
Здесь каждый чего-то ищет
и каждый чему-то рад.
Врага обретя и друга,
наперсника и лжеца
увидю, что ночь да вьюга
пила с моего лица.
На мудрость не хватит силы.
Для глупости нет ума.
И даже сырой могилы
меня не приемлет тьма.
Хромает по лужам ветер,
жуя нитяной мотив.
На этом веселом свете
я только любовью жив.

«На медных крышах солнце пламенеет...»

На медных крышах солнце пламенеет
и листьев пламенеющих обвал.
А кто из нас о прошлом не жалеет?
Кто не проигрывал, поверь, тот не играл.
Упал октябрь в Москву струною звонкой
и тонкий воздух сказочен и тих..
И ветерок пушистый, как болонка,
кружится, заплетая листья в стих.
Пустых не понимая рассуждений
о непреложном смысле бытия,
хочу запомнить счастье тех мгновений,
где никого,
где только Бог и я.
На медных крышах солнце пламенеет
и я твержу, как раньше повторял:
не радуйся тому, что ты имеешь
и не горюй о том, что потерял.

Handwritten signature or text in the bottom right corner of the white square.

«Летит над болотом зелёная мреть...»

Летит над болотом зелёная мреть
и жизнь засосало в болото
настолько, что хочется лечь, помереть —
не слушать болота икоту.

Тускла позолота на Божьих церквах,
по кочкам бредут пилигримы.

И в этих не русских, но русских краях
всё зимы да зимы, да зимы.

Народ!

Помолись, оглядись не спеша —
на родине ты иль в изгнанье?

Тогда ты поймёшь, как рыдает душа,
как страждет она покаянья.

«Ты меня разбуди, но только...»

Ты меня разбуди, но только
не на утренней белой зорьке:
воздух утра хмельной и горький,
словно первой любви настойка.
Ты меня разбуди, но в полдень
нестерпимое солнце светит
или рыщет колючий ветер,
чтоб обиды свои припомнить.
Ты меня разбуди, но вечер
не для этого красит окна
негасимым кровавым оком —
не со мною он ищет встречи.
Ты меня разбуди, но в полночь
не моей ты желаешь ласки.
Лучше спать мне и видеть сказки,
чем невидящий взгляд запомнить.

Ты меня разбуди...

«Постоянный страх оказаться вне...»

Постоянный страх оказаться вне
достигаемости земли.
И поэтому снова не спится мне,
если рядом жгут корабли.
Если душу тревожит забытый хмель
неземных продувных морей.
Если снова поёт беззаботный Лель
у закрытых чужих дверей.
Не стареющий странноприимный дом,
что на Млечном стоит пути,
где родился и жил, и умрёшь шутком,
где любимую не найти,
где ухватит за полу малины куст:
мол, куда ты, дурной, постой!
Воздух сумерек снова и прян и густ —
старорусский крутой настой.
С той ли, с этой ли стороны
ождается дым-пожар?
Иль не молишься ты за ны,
куренной монах Кудеяр?
Ярость века сгорит в огне,
ляжет копотью в полземли.
И поэтому снова не спится мне,

если рядом жгут корабли.

«Что-то в мире сложилось не так...»

Что-то в мире сложилось не так:
правит смертными одиночество,
будто стаи голодных собак
воздают нам последние почести.
Холод глаз.

И души пустота.

И такое сплошное безмолвие,
будто здесь никогда, никогда
не сверкала безумная молния.

Ни молитвы...

Ни Бога...

Ни сна...

Одиночество – страсть или таинство?
Не бывает среди мёртвых весна,
только страх да стремление к старости.
Счастлив тот, кто забудется сном,
ни грехом, ни стихом не отмеченный.
Чёрный ангел накроет крылом
твои нежные смуглые плечи.

«Сегодня будет ураган...»

Сегодня будет ураган.
Я это знаю, но
испепеление землян
не мной предрешено.
Виной всему гнетущий рок,
проклятие небес:
и сонно смотрит на восток
тысячелетний лес.
Оттуда – жизнь,
оттуда – смерть.
И на семи ветрах
последний смертный – интроверт —
развеет мёртвых прах.
И вой его вонзится в ночь,
как боль от сотен ран,
и улетит куда-то прочь,
и стихнет ураган.

«Спасибо, Господи, за боль...»

Спасибо, Господи, за боль
и за любовь, что мне послал.
Я жизнь – несыгранную роль —
еще в стихах не дописал,
недострадал,
недолюбил,
недомолился перед сном.
и недопонял, что не мил
кому-то в городе пустом.
Опять блуждаю по судьбе
то неприютен, то весёл.
И я опять скажу Тебе:
спасибо, Господи, за всё.
И снегом белым упаду,
когда полночный город стих,
и Вифлеемскую звезду
я отражу в глазах своих.

«Эти огненно-снежные волосы...»

Эти огненно-снежные волосы
разжигают вселенский пожар.
И планету от полюса к полюсу
сотрясает подземный удар.
Знак огня: пепел в небе качается,
на луне оставляя следы.
Не пойму, как же он сочетается
с разделительным знаком воды?
От беды, как известно, не спрячешься —
пусть артачится дождь за окном,
пусть в огне саламандра маячится,
пусть в углу улыбается гном.
Эта огненно-медная женщина —
то ли счастье, а то ли беда.
Но от полюса к полюсу трещина,
но от сердца до сердца вода.

«Жизнь потеряла всякий смысл...»

Жизнь потеряла всякий смысл.
Чего мне ждать?
К чему стремиться?
Летят сиреневые птицы
на мыс, где умирает мысль.
Где череп чёрные глаза
таращит в сумрачное небо.
Быть может, он несчастным не был,
его хранили образа.
От человека – ни следа.
лишь полночь молния пронзает.
Любовь взаимной не бывает
на этом свете никогда.

«Ночь...»

Ночь.

Над водой разливается
тяжкий гудок, будто стон.

Всё, словно сон, забывается,
всё превращается в сон.

Видел на свете не мало я —
в ликах старинных икон
есть чистота небывалая.

Всё превращается в сон.

Мыслил коснуться ладонями
счастья, что долго искал.

Но за бегами-погонями
только себя потерял.

Но за слезами незванными
тихий приходит покой,
нежно прикрытый туманами,
словно Господней рукой.

Звёзды на волнах качаются.

Пасха. Малиновый звон.

Всё, словно сон, забывается,
всё превращается в сон.

«Снова Пасха. И снова снег...»

Снова Пасха. И снова снег.
Но, как – будто сто лет назад,
слышал я твой жемчужный смех,
видел я твой алмазный взгляд.
Снег на улице,
смех в душе.
Нет, скорее наоборот.
Ночь-красавица в парандже
изменяет планет полёт.
Ни назад пути, ни вперёд.
Святой Боже, оборони!
Топит снега водоворот
жизни призрачные огни.
Обмани меня – обними,
чтобы чёрный растаял снег.
Не молчи, молю! Позвони,
если я ещё человек...

РОМАНС

Оставь меня, не надо сожалений.
Оставь меня, не надо томных взглядов.
Твоя любовь – лишь несколько мгновений
сверкала искрой в танце снегопада.
А надо ли жалеть и возвращаться
к раздавленным словам и жалким нотам?
Но так хотелось просто улыбаться,
но так хотелось лёгкого полёта.
Оставь меня, я не хочу печальных
твоих речей об истине глубокой.
И не тревожь касанием случайным:
я и с тобой останусь одиноким.
За окнами опять танцует вьюга
и чьи-то искры в танце улетают.
Как жаль – мы не увидели друг друга,
зима любви пришла, что б не растаять.

«Боль мою не измерить словами...»

Боль мою не измерить словами.
Разливаются вспышки комет
над поваленными тополями.
Званных много да избранных нет.
Оборванец, скажи мне, родимый,
для чего ты родился на свет
бесприютный, с душою ранимой?
Званных много да избранных нет.
Обозначить чужие пороки —
легче лёгкого, вот в чём секрет.
Божий Сын тоже был одинокий...
званных много да избранных нет.
И, когда ты пройдёшь спозаранку
по тропинке не пройденных лет,
не разглядывай жизни изнанку.
Званных много да избранных нет.

H. G. Jones

«Исчезают хрустальные замки...»

Исчезают хрустальные замки.
По расхристанному календарю
хлопья снега, скуля, как подранки,
улетают в больную зарю.
Говорю.
Говорим.
Разговоры
вместо жизни и вместо любви,
словно снег,
что окажется скоро
каплей влаги.
Подснежник сорви,
закуси его нежную зелень
да смотри на восток, там, где снег,
будто егерем, мартом подстрелен
и где выюга закончила бег —
берег сна, нескончаемый берег
не дождавшихся жён и невест.
А на стыке Европ и Америк
люпус люпуса всё-таки съест.
Так в подранков впиваются волки
и по насту, просевшему стон.
Лишь на замки хрустальных осколки
капли сна, словно слёзы с икон.

«По острогрудым ветхим крышам...»

По острогрудым ветхим крышам
плывут Москвы печальной запахи.
Не дай вам Бог остаться лишним
на многолюдном вечном празднике.
И не понять, и не услышать
стихи, оброненные мальчиком.
И только запахи по крышам
да кот, свернувшийся калачиком.
И вековечный зов:
любимый!..
И крик безмолвия:
любимая!..
Проходит день невозвратимый,
проходит жизнь невозвратимая.
По стенам пляшет лунный зайчик,
реальность, связывая с небылью.
Но слышу снова:
был ли мальчик?
быть может, мальчика и не было?

«Кружится зима снежная...»

Кружится зима снежная.
Неженка моя нежная,
ты ответь-скажи, где ж они
ласковые дни в пламени
взгляда твоего нежного
и совсем чуть-чуть грешного?
Обожать тебя, неженка,
и в твоих руках нежиться —
это ли не суть, главное
в суетной мирской гавани?
Только ты скажи, нежная,
можно я тебя бережно
пронесу сквозь выюг множество
на руках своих.
Можно ли?

«На небе месяц, словно шрам...»

На небе месяц, словно шрам,
тоскливый вой собак.
Кто разбросал по лунным снам
поэтов и бродяг?
Кто руки тянет через ночь
к звезде, которой нет
на небосклоне. И невмочь,
сливаясь с эхом лет,
мне ждать и верить, что заря —
знамение небес.
И стать листком календаря
в ночь сказок и чудес.
Не знать с кончиной декабря,
что новый век грядёт,
что вьюга лист календаря
случайно оборвёт.

«По задворкам нахальная вьюга...»

По задворкам нахальная вьюга
продолжает собакой шнырять.
Люди ищут в потёмках друг друга
для того чтобы вновь потерять.
Не могу быть сложнее и проще,
не хочу воду в ступе толочь.
А по мартовской Марьиной Роще
за деревьями прячется ночь
не мрачна, не страшна – неоглядна.
Я по ней не блуждал никогда.
Ты – мой свет.
Ты – моя Ариадна.
Невечерняя в небе звезда.
Но в ночи водопадовы струи
могут вдребезги камень разбить.
Возврати мне мои поцелуи,
чтобы смог я тебя разлюбить.

СОН

- А что там, на улице: март или ночь?
- Не знаю, не пробовал. Может быть, вьюга?

И ветер шархнулся прочь от испуга,
и жизнь, как собака, уносится прочь.

- Точь-в-точь полотно богомаза Петрарки...

- Да он же поэт. Ты о чем говоришь?..

Он в песнях своих воспеваает Париж
и пишет роман без единой ремарки.

- Ремарк. Это тоже поэт или где?

- Ремарк – это нашей Чукотки столица,
тебе не мешало бы опохмелиться,
а то все твердишь об ударном труде.

И шастает женщина.

Женщина-львица.

По темной аллее, по горькой душе.

Ей фугу сложил футболист Беранже...

И в марше Шопена мне все это снится.

«Нет ничего необычного...»

Нет ничего необычного
в том, что печален свет,
в том, что пустым привычкам
в мире названья нет.
В том, что перечеркнуло
сетью слепых дождей
судорожные скулы
верящих в быт людей.
Верящих в невозможное
счастье житейских драм.
Как же, порою, сложно
люди приходят в храм.
Слушаю ночь тревожную,
верю прожитым дням.
Как же, порою, сложно
воцерковляться нам.

«Смейся...»

Смейся!

Смейся, ликуя, Эллада,
словно в дни олимпийского года.
Эта женщина – капелька яда
в кубке пенного пряного мёда.
За неё умирали фаланги
в бесконечной безудержной сече.
Жизнь, она не красива с изнанки,
будто роща олив после смерча.
Улыбнётся лукаво Адонис
и печально посмотрит Психея:
словно пену морскую в ладонях,
он её удержать не сумеет.

Смейся!

Смейся, ликуя, Эллада!
Не Гомера поймали на слове.
Александрю на битву не надо,
Александра сразили в алькове.

АРМАГЕДДОН

На каменные клинописи лиц
светила лик, простреленный навывлет,
глядит из-под слабеющих ресниц;
на сгустки и клубы белёсой пыли,
осевшей на деревья и на птиц;
на лица зданий и отживших клёнов,
и нет уже различий и границ
меж храмами Парижа и Поклонной.
Настало время:
ангел вострубил
и сделались смятения и смуты,
и скоро, скоро грозный Гавриил
сочтёт твои последние минуты.
Настало время:
всё вернулось вспять!
Всё умирающее или неживое.
И никого на помощь не позвать,
и грудь земли под пыльною травюю.
Восстала рвать.
Пред ней – другая рать.
Они сошлись, разя, в последней битве.
И солнце не спешило догорать,
и люди становились на молитву.
Всё это было.

Было?

Но когда?

Я помню крики боли и страдания.

И догорала Божия Звезда,

и ни следа,

и ни воспоминанья...

Всё это было или будет впредь:

земли сырой оплавленные комья...

Всё умерло.

И только умереть

не смог один, который это помнил.

J. J. Fox

«А можно ли тебя заставить жить...»

А можно ли тебя заставить жить?
А можно ли тебя любить заставить
и верить в неживые миражи
погоста с оголёнными крестами?
Листает осень старую тетрадь
остекленевшим вылинявшим глазом.
И тёплых листьев больше не собрать
в большой букет.
И не поставить в вазу.
Не сразу, не спеша, но исподволь,
как лёгкий паучок на паутинке,
приходит удивительная боль —
расплавленная осени картинка.
А можно ли меня заставить петь?
А можно ли меня летать заставить
и верить в то, что можно умереть
в ряду не умирающей октавы?

«Мне снилась белая страна...»

Мне снилась белая страна:
среди черёмух и акаций
мы не могли не потеряться,
когда кругом была весна.
Мне снились алые цветы
в лучах багрового рассвета.
Там было жарко. Было лето.
И там меня любила ты.
Мне снился синий небосвод
в золотомедном обрамленьи.
Там были чудные виденья,
там был безудержный полёт.
Я так хотел остаться в сне,
но снег идет неумолимо,
но жизнь проходит мимо... мимо...
И ничего не снится мне.

У ВХОДА В ИЕРУСАЛИМ

*Бдите и молитесь, яко не весте,
В кий час Господь ваши придет.
(Мф. 24: 42, Мк.13:33)*

Сижу у врат, презревши плоть,
от лета и до лета.
Не знаю я, когда Господь
пройдёт дорогой этой.

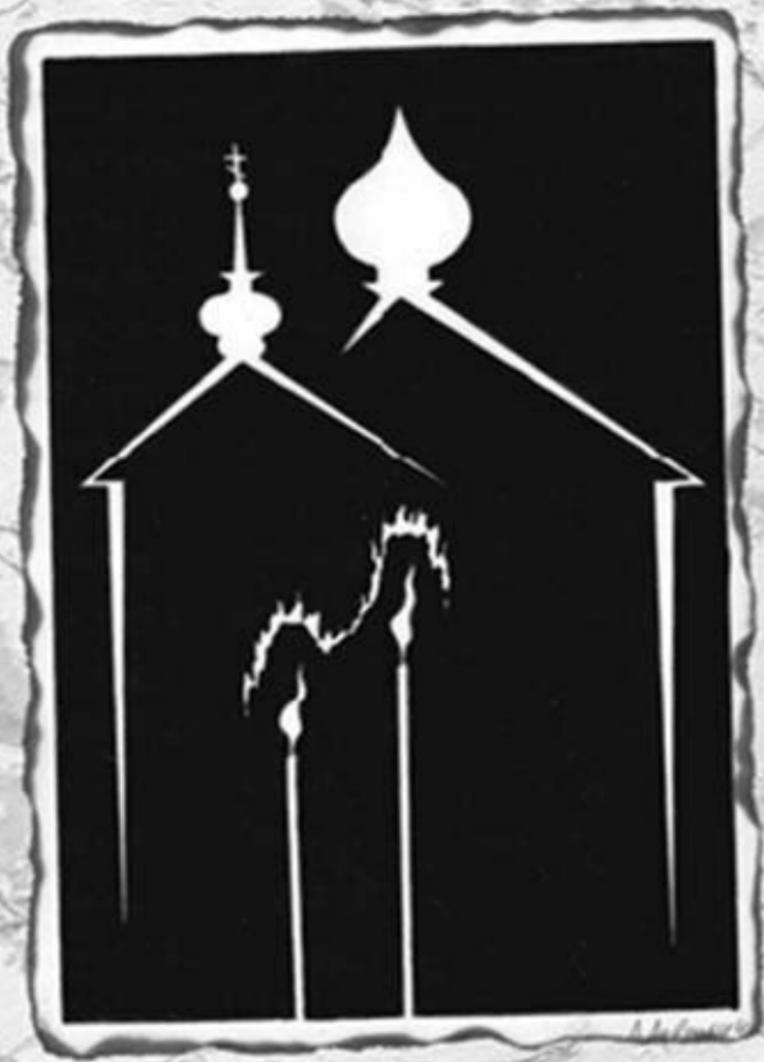
Я пролил здесь не мало слёз,
в стране чужой, безвестной.
Не знаю я, когда Христос
пройдёт в Свой Храм Небесный.

Смогу ли я Его узреть
среди толпы гудящей,
иль суждено мне умереть
таким, как есть, пропащим?

О, Боже! Милостивым будь
мне грешному.

И всё же,
о, Боже, укажи мне путь
каким пройдёшь...

О, Боже!..

«Жил я, с собой соглашаясь и споря...»

Жил я, с собой соглашаясь и споря,
вплоть до последнего дня.

Церковь, ковчег мой, из мёртвого моря
вынеси к жизни меня!

Сколько вокруг потонуло и тонет
в море не пролитых слёз.

Церковь, ковчег мой, над волнами стонет
ангел смертей – альбатрос.

Кто-то прощальное слово обронит,
как драгоценный опал.

Церковь, ковчег мой, куда меня гонит
моря житейского шквал?

«Новое время...»

Новое время.

Свершенья. Пророчества.

Новые мысли. Надежд фимиам.

Если любовь – это часть одиночества,
то вообще для чего она нам?

Нового века и снега качание,
будто пожара губительный дым.

Если Господь – это подвиг молчания
то для чего мы всю жизнь говорим?

«Оставляя свои раздумья...»

Оставляя свои раздумья
в тонкой графике зимних роц,
неприкаянный,
неразумный,
я бреду по России в ночь.
Я бреду по московским граням
истончённого бытия,
не истерзан и не изранен,
но убит сединой вранья.
Видно так для России лучше —
ни к чему в облаках кружить,
а продать человечьи души
за кружочки словесной лжи.
Что ж ты, Родина, раскололась
под валютный заветный звон?
Я валяюсь простым осколком
православных святых икон.
Я валяюсь зеркальной гранью
под когтями у воронья,
не истерзан и не поранен,
а убит чистотой вранья.

«Тень моя в тьме замороженных улиц...»

Тень моя в тьме замороженных улиц.
Русь моя, падает снег на ладонь.
Как же с тобою в зиме разминулись,
город мой древний, стреноженный конь?
Думал я вскачь над обрывом промчатся,
словно Высоцкий, собрат по перу.
Только мне выпало тенью скитаться
с воем собачьим на снежном ветру,
только мне заживо камень надгробный
был уготован, судьбе вопреки!
Звук прокатился по улице дробный,
лошади скачут наперегонки.
Всё же Москва пронеслась над обрывом —
я в этом хаосе не разберусь.
Чудится песня с цыганским надрывом,
значит, жива ещё матушка Русь!

«Что сказать мне о белом дне...»

Любимой жене Ксени

Что сказать мне о белом дне,
белом городе и цветах,
где ты думаешь обо мне,
где все мысли наводят страх?
Ты не бойся так за меня!
Ведь бояться – не значит жить.
Не старайся клочок огня
в белом городе сторожить.
Если я для тебя горю,
значит, Богом так суждено,
и в каком-то другом раю
это счастье нам не дано.
Значит, будем любить всерьёз
белый город и нашу жизнь.
И не надо горючих слёз
под наплывами дешевизн.
А когда я лечу во сне,
белый город разгонит мрак.
Ты ведь тоже приснилась мне,
и от сна не уйти никак.

НА ПОГОСТЕ

Слышишь, мама, я пришёл!
Я нашёл тебя, мамуля!
Жизнь мелькнула, словно пуля,
с продырявленной душой.
И ни завтра, ни вчера,
только взлёт и только вечность.
Неужели бесконечность
это времени игра?
Не пора ли мне на взлёт —
я весь мир перелопатил,
истончался, скажем кстати,
но достиг не тех высот.
Состоявшийся пижон,
нашумевший мастер слова,
но тебе промолвлю снова:
– Слышишь, мама, я пришёл!

«Перестук колёс, перестук...»

*Моей бабушке —
Екатерине Холиной,
поэту Серебряного века*

Перестук колёс, перестук,
или звон в ушах, или звон?
Мир давно пронзил тяжкий звук,
тяжкий звук пронзил, или стон?
Но беда моя – не беда,
если рядом ты в снег и в дождь.
И в голодный год лебеда
уж не вызовет страх и дрожь.
Уж не вызовет смачный дым
недокуренных сигарет.
Я же был всегда молодым,
и умру, поверь, в цвете лет.
Мир опять пронзил тяжкий звук,
и стрела летит вслед за мной.
Перестук колёс, перестук.
Или вой по мне, волчий вой...

«Обрывки грязных словоблудий...»

Обрывки грязных словоблудий,
как птицы реют надо мной.
И ноты солнечных прелюдий
пронзает тяжкий волчий вой.
Ищу покой, но вместе с потом
исходит злоба из меня.
Я стал советским идиотом,
и всё прошу:
– Огня! Огня!
На грани небыли и были
я распластался в небесах
в клубах слепой Вселенской пыли,
но вижу свет на полюсах
не мной погубленной планеты,
не мной распятого Христа.
Я знаю, есть спасенье где-то,
лишь душит душу немота.
Мне Бытие терзает разум
никчёмным смыслом суеты.
Успеть бы лишь сказать ту фразу,
что ожидаешь только ты
на мелком нашем островочке
среди словесных грязных струй.
И не хочу я пулей – точку...

Хочу, как точку – поцелуй!

«Монархия света, монархия тьмы...»

Монархия света, монархия тьмы.
О, как это с детства знакомо!
И небо закатное цвета сурьмы
опять висит над домом.
Мудрейшие книги лежат на столе —
сокровища ересиархов.
Но хищные тени бегут по земле,
печальные слуги монархов.
Ни свету, ни ночи умы не нужны.
Представьте:
сиянье без тени!
иль облако пьяной разнузданной тьмы,
и в небыль крутые ступени!
Рождён человек, чтоб на лезвии жить,
идти между тенью и светом.
А что же поэт?
Он не может ступить
ни шагу, не помня об этом.
Позвольте, зачем и скажите, к чему
природе нужны эти страсти?
Ты просто иди ни на свет, ни во тьму,
а к Богу за чистым причастьем.
Но я, как поэт, поводырём и певец,

помочь не смогу, не посмею.

Коль ты не поднимешь терновый венец,
я просто тебя пожалею.

ОТКРОВЕНИЯ ЕРЕСИАРХА

Ну, что ж, опять расставленные точки,
и солнца луч в сознание точно смерч!

Я видел Зазеркалие воочью,
но это не была простая смерть.

Пустого и простого в этом мире
никак не отыскать. Ты мне поверь.

А точка – продолжение в пунктире
утрат, страданий, вздохов и потерь.

Невероятно!

В параллельном царстве
совсем не так, как представляют здесь.

Там нет судов, и есть не те мытарства,
и воздух, словно пламенная взвесь.

И нет мучений душ на сковородках,
а есть свирепый вихорь изнутри.

Я там изведал несколько коротких
уколов совести...

И сколько не ори,
и сколько не кричи, там нет спасенья,
и места под счастливым бытиём.

А есть воспоминание мгновенья
про запах тела, что смердит гнильём.

Быть может я – гнилой и непохожий
на всю ту боль, которую другим

принёс при жизни – не простой прохожий,
а грешный и нахальный пилигрим.
Быть может, я сказать во искупленье
про царство Зазеркалья должен вам?!
На это мне отпущены мгновенья.
А сколько? Сколько...
я не знаю сам.

«Расставляются точки над...»

Расставляются точки над «и»,
устаканился пьяненький дым,
и в былом незаметный надир
стал похож на символику дыр.
Стал похож на запретную дверь
в Зазеркалье и антимиры.

Что смеяться?

Возьми и проверь,
заглянув в подпространство дыры.

И тогда ты поймёшь, человек,
почему – «уходя – уходи» —
нам твердят миллионы калек,
не сумевшие в космос уйти.

Это надо не высказать вслух,
а прочувствовать плотью души.

Тополиный срывается пух
и маньячат из дыр миражи.

Это было и есть, а пока
я июньской пленён красотой.

Улыбается космос слегка
над извечной моей суетой.

ВОЛЬНЫЙ КАЗАК

Я ничей!
Нет беспечней боли!
Но ничьей в облаках кружа
и ничьей не подвластна воле
чует волю моя душа.
И становится ей известна
тайна самой тугой струны.
Но из рук уплывает песня,
словно пена морской волны.

«Покровский отблеск октября...»

*...И кто-то камень положил
Ему в протянутую руку.*

М.Ю. Лермонтов

Покровский отблеск октября,
разлив кленового заката,
и мысль о том, что прожил зря
всю эту жизнь, уже чревата.
Уже чревата бытиём
под звук унылой депрессухи.
И солнца луч пронзил копьем
в лесу клубящиеся слухи
о том, что будет и чему
уже совсем не приключиться.
И весь октябрь опять в дыму,
как искалеченная птица.
Я долго думал и гадал,
кружил в лесу, подобно звуку,
и вдруг последний лист упал
в мою протянутую руку.

«Русь моя – нить неразрывная...»

Русь моя – нить неразрывная!
Родина – синь златоглавая!
Осенью небо красивое,
дремлет Москва православная!
Много и были и небыли
в русских скрижалях записано.
И, пролетая по небу я,
взглядом выискивал пристальным
город мой – точку безвременья,
тень мою в водах Москва-реки...
Тати без роду и племени
крутят Москву мою за руки.
Вскинулся я: а не снится ли
песенка смерти у темени?
Но под Покровом Царицыным
дремлет столица до времени.
Дремлет московская звонница.
Нечисть в тиши куролесится.
Свары Россия сторонится —
это ступенька по Лествице.

«И опять непосильное счастье...»

И опять непосильное счастье,
и опять несусветная боль.
Кто над нашей энергией властен,
превращающей личности в ноль?
Соль земли посыпается с неба,
продлевая планетную жизнь.
И девица в Сочельник и небыль
нагадает про быль дешевизн.
Новизна високосного года,
темнота обновлённых сердец.
В телящике слуги народа
обещают счастливый конец.
На Москву накатило ненастье,
вместо снега – небесная соль.
И опять непосильное счастье,
и опять несусветная боль.

«Снова шагаю по льду босиком...»

Снова шагаю по льду босиком,
маску срывая с лица.

Снова пою ни о чём, ни о ком
песню свою без конца.

Вижу: маньячат души миражи
в тихий предутренний час.

Ближних любить ты пока не спеши,
лучше бы с дальних начать.

И, согревая в ладонях цветок,
знаю, меня не поймут

те, кто старается влиться в поток
денежных склоков и смут.

Те, кто взорвал многоцветия мост
в царство нездешней мечты,
и среди ярких заоблачных звёзд
видит лишь клочок темноты.

Полно мне петь ни о чём, ни о ком,
и словоблудьем плевать.

Люди всегда ненавидят тайком
тех, кто умеет летать.

и достигнут ли корочки дна?
Эх, Россия! Чумное болото,
захотевшее власть расстрелять!
Ты не жди, что обломится что-то
от Америк под мать-перемать.
Ты жила, не ломаясь, не горбясь,
ничего от врагов не тая,
так откуда ж болотная горечь
и утробный напев воронья?
Думай, Родина, что тебе свято:
жить без Бога с посылками на...
или тяжкая поступь солдата,
где и воля твоя не нужна.

«Восток ещё дремал...»

Восток ещё дремал.
Но встреча с Божиим светом
уже предрешена. И филин с высоты
заметил, как поют под невесомым ветром
среди багряных трав зелёные цветы.
Чисты моления глаз. Просты моления звуков.
Но голос истончал, но взгляд в тумане слёз.
И перед храмом тать заламывает руки:
– За все мои грехи прости меня, Христос!
Просты его слова, чисты его моления.
Я веры той хочу до кончиков волос.
А стрелки на часах отсчитывают звенья
и ждут, когда скажу:
– Прости меня, Христос!

«Я остался один...»

Я остался один.

Но в сознании пульсация звука,

будто кто-то слова произносит откуда-то мне
про разруху страны, про товарных колёс перестуки
и про то, как Россия поныне сгорает в огне.

Мне в упор говорят: вы сгубили страну, россияне,
под «Семь сорок», под марши, под новое шоу про секс,
и куда-то бредёте, как ёжики в пьяном тумане
на раздачу слонов, где к слону прилагается кекс.

Кто же шкипер у вас, расхреначивший шхуну о банку?

Кто же ваш машинист, эшелон закативший в тупик?

И страна превратилась в сиротский приют для подранков,
где все любят и помнят, и чествуют ленинский лик.

Мне уже не понять, то ли хвалят меня, то ль ругают?

Только болью страны пропиталось сознание моё.

И я тоже бреду, ведь в тумане никто не летает,

и стараюсь понять:

в чём же истина и бытиё?

«Расскажи мне про то, что давно называют любовью...»

Расскажи мне про то, что давно называют любовью,
расскажи мне про спазм, про биение крови в висках!
Наряду с красотой это часто окрашено кровью,
и словесный маразм держит душу в чугунных тисках.
Оставляя в былом под стеклом расчленённые звуки,
каждый хочет понять и отведать спасительной лжи.
Ничего, что на слом этот мир под колёс перестуки!
Смотрим: где бы занять до полочки чудес миражи.
Положи мне на \стол бутерброд из смешения мысли,
философских дилемм и тягучих любовных тревог.
И осиновый ствол задрожал, будто ветки и листья —
у природы проблем не бывает, помиловал Бог.
Так что лучше пропой колыбельную и в изголовье
разожги мне свечу. А в страницах непрожитых лет
напиши мне про то, что давно называют любовью.
И я вновь полечу из тумана в заоблачный свет.

«Лекарственной болью октябрь полыхает...»

Лекарственной болью октябрь полыхает,
октябрьской болью заполнился ум.
И как ни крути, видно так уж бывает,
что запах лекарства исходит из дум.
Из дум головы. Не из дум Горсовета,
ведь всем думакам на октябрь наплевать.
И боль не проходит. Но, может, с рассветом
я снова смогу над страной летать.
Надсадную боль разметав, словно листья,
я крылья расправлю и снова взлечу,
увиджу, как звёзды в пространстве зависли,
и в небе меня не достать палачу.
Но где-то там город, мой ласковый город,
давно захиревший от дум думаков.
Он, в общем-то, стар, но по-прежнему молод.
Мы вместе с Москвой не выносим оков.
Оков словоблудья и думского гнёта,
пора бы столице встряхнуться и жить!
Москва никогда не забудет полёта.
Летать – значит всех, и прощать, и любить.

«Не заставляй меня проснуться...»

Не заставляй меня проснуться
в холодном мареве дождя,
когда в саду деревья гнутся
и жизнь ушла, не уходя.
Когда ещё не мёртвым взглядом
я что-то тайное ищу.
Мне ничего сейчас не надо,
я ухожу, но не грущу.
Зачем грустить о том, что сбылось
и что от века не сбылось?
Мне эта жизнь, поверь, приснилась,
но не зови...
Ты это брось!
Не заставляй меня проснуться
в холодном мареве дождей,
остановиться, оглянуться
и на себя, и на людей.

«Словно свет в воде багровой...»

Словно свет в воде багровой
выплывает это слово,
слово мудрое как жизнь
в плеске вечных дешевизн.
И под непогодь с порошей
кто-то взял такую ношу,
взглядом жёлтым посмотрел
и как выплюнул:

– Расстрел!

– Но у нас же нету казни! —
кто-то скажет без боязни,
улыбнётся небесам,
а того не знает сам,
что инертная Россия
крови сладостной вкусила
за прошедшие века...

И упала вниз рука.

Я с похмелья, я в блевоте
слышу пулю на излёте,
поразившую меня
в точку вечного огня.

И опять в воде багровой
выплывает это слово,
эта правда, эта жуть...

Без неё тут не живут.

БОЛЯРЫНЯ МОРОЗОВА

На рассвет от крови розовый,
словно Благостную Весть,
в кандалах везут Морозову,
и замёрзнувшая взвесь
вся дрожала в ожидании
с неба Страшного суда...
Это всё для нас предания
через дни, через года.
Захлебнулось время криками,
поселилась в церкви гнусь,
и сломалась в лапах Никона
наша праведная Русь.
Век семнадцатый. И нелюди
прикрываются крестом.
год семнадцатый. И нелюди
в красном мареве густом.
И семнадцатого августа
те же нелюди вокруг.
А над Русью взмыли аисты
с криком – с севера на юг.
Скоро будет время грозное
без поблажек, без прикрас.
И болярыня Морозова
молит Господа за нас.

«Я на Чёрный Покров в ноги вам поклонюсь...»

Я на Чёрный Покров в ноги вам поклонюсь.
В паутине веков вновь запуталась Русь.
Вновь бежала волна вниз по Волге-реке.
Не моя в том вина, если горечь в строке.
Изливается боль и на сердце огонь.
Из оков и неволь – на расстрел под гармонь,
потому что я рус, потому что не жид,
коли смел, коль не трус, значит, будешь убит.
Но пока ещё жив хоть один на Руси,
станем правду вершить. Бог промолвит:
– Еси!
Не моя в том вина, что Покров почернел.
Чашу выпей до дна и прими свой удел.
Но не сломлена Русь паутиной веков
и я снова молюсь, снова Чистый Покров.

«Небо проснулось от птичьего грая...»

Небо проснулось от птичьего грая.

Русь, просыпайся!

Весною не спят!

Настежь ворота весеннего рая,
здесь не задушит чумной снегопад.

Надо ли жить из дремоты в дремоту,
слушая денежный звон кандалов?

Снова на Русь объявило охоту
жидомасонское стадо воров.

Слов не хватает, чтоб высказать честно
суть ростовщичества, смысл бытия.

Полноте, люди!

Давно нам известно:

истина жизни для всех и своя!

Но, собирая весной незабудки,
радуясь солнцу и светлому дню,
я вспоминаю лишь эти минутки,
а проходимцев ни в чём не виню.

Стоит ли помнить духовное скотство?

Сгинет от злобы финансовый жид.

Русс не продаст своего первородства!

Русский всегда и поймёт, и простит.

«Ах, как больно...»

Ах, как больно!
Воистину больно
видеть родину нашу в грязи!
Быть свидетелем и сердобольно
слушать гадости...
Боже, срази
город мой древний, словно Гоморру,
словно основу столичных канав!
Скоро ль Пришествие?
Если не скоро,
то разобраться бы с теми, кто прав.
Прав на убийство,
прав на моление
и поклоненье Златому тельцу.
Кончилась строчка стихотворенья,
значит и время подходит к концу.

ЕРЕСИАРХ ВСЕЯ РУСИ

Я жить хотел остепенясь
от равнодушия и скотства,
как прежде, плача и смеясь,
струясь в потоке идиотства.
Но отворился край небес,
раскрылся смрадный запах тленья,
и я опять взвалил свой крест
одной строкой стихотворенья.

И я кричу!

И я ору:

куда вы вновь бредёте, люди,
под зачумленье на пиру
и дармовой калач на блюде?!

Ведь ваша родина вразнос,
враздрызг Европе продаётся.

Ваш бронепоезд под откос,
и вся Америка смеётся
над лохотронством россиян
в колониальном Москвабаде.

Проснись, Россия!

Я не пьян!

Я строевым, как на параде,
шагаю нынче по стране

К недопришедшим переменам.

Я жив ещё!
Но я в дерьме,
а, значит, где-то есть измена.
Кто превращает нас в утиль?!
В баранов?!
Пьяниц?!
Попрошаек?!
И это горе. Это боль.
И журавлей исчезла стая.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Опять холодная война!
Ей никогда не стать горячей,
страна в болото сметена,
и подготовлена для сдачи.
Но ни снарядов, ни фронтов
мы в этот раз не испытали.
Под равнодушные ментов
Россию Западу продали.
За что же дед мой воевал?!
За что отец ходил в атаку?!
Никто из предков не жевал
американских булок с маком.
Они вставали за страну!
Они сражались за Рассею!..
Американских денег кнут
всё наше мужество развеял.
Жидо-масонское ворьё
ликует нынче в Москвабаде.
Мы превращаемся в гнильё...
Спаси нас, Боже, Христа ради...

«Штормовыми волнами...»

Штормовыми волнами
время обозначено.
Забивают смолоду —
в долларах
оплачено.
Продано, разделено
всё пространство русское.
Русь теперь – расселина
Зазеркалья тусклого.
Ленью околпачены,
водкой одурманены.
В долларах оплачено
то, что мы подранены.
Все поля и пастбища
заросли крапивою.
Ветер мчит по кладбищу,
встряхивая гривою.
Мы бредём спокойненько,
скрученные нежитью...
Полноте, покойники,
обижаться не на что!

«Говорили, что лето, настанет хорошее лето...»

Говорили, что лето, настанет хорошее лето,
обещали, что где-то России простятся долги.
Только пух тополиный, как выюга, летит до рассвета,
и былины поют про меня неживые враги.
Я так долго искал улетевший из мира порядок.
Я так долго стирал с поднебесья следы облаков.
Я пролился дождём и, наверное, выпал в осадок.
Мы надеемся, ждём, а находим железо оков.
Дух морозный черёмух летит Ботаническим садом
и стараются петь, зазывая подруг соловьи.
Город хочет взлететь и обрушиться вниз листопадом,
словно новая жизнь сквозь мятежные мысли твои.
И уже не волнует сразившее мир лихолетье —
всё проходит как сон, и оно непременно пройдёт,
лишь бы мы не мрачнели, когда улыбаются дети,
и как ветер стихали, встречая весёлый восход.

«Настанет день сиятельной надежды...»

Настанет день сиятельной надежды.
Пройдут дожди несбывшихся надежд.
Мне просто лень. Мне просто лень, как прежде
Читать стихи про пьяниц и невежд.
Моих одежд весёлые лохмотья
Не согревают сердца и души.
Ах, если бы послушать Паваротти,
Чтоб в музыке ожили миражи!
Тогда бы я дарил добро и радость
Среди разрухи, голода и лжи!
Оскомина во рту...
Какая гадость!
А ну, верните веру в миражи!

ТАЙНА РОССИИ

Тайну России жидам не понять.
Что им разбитые наши дороги,
где словно рак, не попятышься вспять
и, не ругнувшись, не вспомнишь о Боге?
Тайна России – известный пассаж
американо-английских симфоний.
Не обрусилась еврейская блажь
среди необъятных российских колоний.
Где-то уже не горят фонари,
где-то горят, освещая дорогу.
Путь ко Спасенью – ори не ори —
через российскую боль и тревогу!
Но, не признав преступлений отцов,
мы не получим от Бога прощенья.
Рухнет держава в руках подлецов
без Аллилуйя, без отпущенья!

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО РОДИНЕ

Что осталось мне в сломанном доме?
Что ещё не успели продать?
Русь моя, ты по-прежнему в дрёме
и не можешь ни взять, ни раздать.
Благодать покидает Россию,
одинокства след не стереть,
и уже не дожидаться Мессию,
где хозяйствует вечная смерть.
Умирают дебаты и споры,
умирает желанье творить.
Скоро небыль.
Закончится скоро
состоянье:
по-русски любить.
Лунный луч разорвали как нитку,
голодранцы ползут по Руси,
как пропившая домик улитка,
как попавшие в суп караси.
Эх, Россия! Чумное болото!
Неужели сквозь денежный звон
ты опять не услышишь кого-то?
и не вспомнишь сиянье икон?
Много к Богу дорог?
Нет, не много!

Разберись в недалёкой судьбе:
неужели навек синагога
стала костью собачьей тебе?
Неужели девиз большевизма —
Всё отнять! Разделить! Расстрелять! —
стал критерием нашей Отчизны,
превращающим Родину в... мать?

«Снова еду по России...»

*Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас.*

Сергей Есенин

Снова еду по России:
запустенье, темь и тишь...
Это даже некрасиво.
Нет, браток, стой! Шалишь!
Не на то настроил лиру!!
Неужели в пекле зла
Русь, кормившая полмира,
в одночасье умерла?
неужели спозаранку
пахарь в поле не идёт?
По над логом кровь подранков,
или птиц, убитых влёт...
Снова, нечисть ополчилась?!
Но не дай себя убить,
православная Россия,
к Богу пламенная нить.
По России год за годом
без подначек, без прикрас
пахнет яблоком и мёдом

на лугах твой кроткий Спас.

МОСКВА

Бескровные улицы жаркой столицы —
как будто от Бога завещано нам
проститься с надеждами, испепелиться
и тихо сходить в обустроенный храм.
Иду я по улицам мёртвой столицы,
несу на Голгофу сколоченный крест,
но мечется сердце в груди, словно птица,
и слышится Благовест утренних звезд.
Окрест ни людей, ни машин и ни звука,
и с городом встреча – один на один!
А Благовест звезд – это боль, это мука.
Москва без людей...
да и я нелюдим.
Единая искра горит между нами —
залог пониманья и вечной любви.
Куда мы приходим?
Вы знаете, сами,
но строить столицу нельзя на крови!
Порвёт бесконечная тяжесть рассудка
мою истончённую с Господом связь,
и вянет в ладони моей незабудка.
Но я не танцую, не плачу, смеясь.
Мы с городом связаны прочною нитью, —
как Пушкин писал, мой собрат по перу.

Иду на Голгофу...

Иду по наитью...

Москва не умрёт! Вот и я не умру.

«Те же кочки да ямы...»

Те же кочки да ямы
на дорогах видны —
вековечная драма
обнищавшей страны.
Снова чьи-то вопросы,
снова мать-перемать!
Боже! Что же ты бросил
нас в дерьме помирать?
Снова я сожалею,
что чего-то не смог,
но иду как умею
в Твой небесный чертог.
Ни к чему разговоры
мне про Божий Завет.
Я надеюсь, что скоро
вновь наступит рассвет.
Где ты бродишь, Мессия
среди сплетен и смут?
Знай:
в заблудшей России
Бога помнят и ждут.

«Воздух потеет...»

Воздух потеет.

На улицах жарко.

Дым пепелища окутал Москву.

Что бы про это придумал Петрарка?

Как бы воспел он пожара канву?

Мне не хватает ни мысли, ни слова,

вымрет природа и вымрет народ.

Только ведь это, поверьте, не ново,

путь наш к концу, а не наоборот.

Красных ворот покрасневшие пятна,

Лермонтов, молча, на город глядит.

Не поворотится вспять, вероятно,

лютное время расстрелов, обид.

Да и к чему нам жидовские склоки?

Но на пути лилипутинских драм

снова поэт восхваляет истоки

самых прекрасных в миру панорам!

Снова взывает и молится Богу!

Только поэт, как обычно, убит.

Вот и подходит Россия к порогу

мраморных чёрных кладбищенских плит.

«Меня позвали как-то раз...»

Меня позвали как-то раз
на сходку демократы.
И пелена упала с глаз...
давно... тогда когда-то...
Я им усердно помогал
и речь толкал с трибуны.
Не знал я, что они – кагал,
и под «Семь-сорок» струны
уже настроили в стране:
мою Москву распяли
и весь народ сидит в говне...
За что мы воевали?!
А я скажу вам без прикрас:
– Не жди, страна, Мессии!
Прекрасный профиль и анфас
загубленной России.
Но слышу – стон...
Молитвы стон
повсюду раздаётся.
И колокольный перезвон.
С молитвой жизнь вернётся.
Вернётся православье в храм,
проснётся спящий русский...
И не останется жидам

мацы на подзакуску

«Придурью малость разбавлена...»

Придурью малость разбавлена
золотоносная твердь,
ждёт не Мессии, а Каина.
Суздаль и Муром, и Тверь
ждут указаний Америки
на перепутье дорог,
где у кисельного берега
след лилипутинских ног.
Снова кремлёвские корешки
в мир напускают тени.
Жидомасонские пролежни
мучают русских парней.
Гой ты, Рассеюшка гнойная:
скокарь, ушкуйник и тать!
Ты не таскалась безвольная,
хватит мацу уплетать!

ПРАВОСЛАВНЫЙ ХОЛУИН

Ах, эти струны, эти звуки,
лениво-сонная заря,
дождливых капель перестуки —
отображенье октября.
Наряды осени всё те же,
не надо слёз и лишних слов.
И лишь Москва всё реже, реже
осенний празднует Покров.
Всё меньше руссичей в столице,
дохнуло смрадом из низин.
А молодёжи чаще снится
американский Хэллуин.
Мы не бывали холуями
перед Литвой и татарвой,
но Холлуин отныне с нами,
с продажной ссученной Москвой.
Порвались струны на гитаре
и непохожесть октября
уже хрипит.
Уже в угаре
лениво-сонная заря...
Но раздаются снова песни!
Но радость хлещет из низин!
Ликуй, Россия!

Мир воскреснет
под православный Холуин!..

ЗАСИЛЬЕ МАТЕРЩИНЫ

Русский язык пополняется матом.
Наш удивительный русский язык
стал ненавистен ворам-дермократам.
Всякий из них выражаться привык
на конференциях, в теледебатах,
на ассамблеях научных кругов
самым простейшим мычаньем приматов,
очень похожим на пенье коров.
Дров наломали по целой России.
Скоро и дети поверят, что слал
матом отборным когда-то Мессия
весь фарисейско-еврейский кагал.
Маты в учебниках!
Маты в сортире!
Что за жидовско-масонская блажь?!
Люди, очнитесь!!!
Беда в нашем мире!
Не соглашайтесь на этот пассаж!..

«Перестук колёс вагонных...»

Перестук колёс вагонных,
перелесков желтизна
и ветра на склонах сонных.
Пусто. Тихо.
Чья вина
в том, что сёла запустили,
что скотину – на убой?..
Пастушонок на свирели
нам играет «Упокой».
Не видать нигде озимых.
Но зачем они когда
жизнь проходит мимо, мимо,
будто мутная вода?
Кто ты, русский?
Чем торгуешь?
И зачем бредёшь в сельмаг?
Конь порвал тугую сбрую
и заржал истошно так,
словно демон засмеялся
над российской судьбой.
Изогнулся мир, сломался,
русских гонят на убой.

«Морозный запах октября...»

Морозный запах октября.
Поверьте, осень не повинна:
в Тамбове спелая рябина
и сонно-белая заря.
Не зря октябрь считает дни
до неживой ещё метели.
Мы словно листья облетели,
остались лишь гнилые пни.
Смоли последний свой бычок
колхозник, спившийся без дела.
Воскреснуть Русь не захотела,
лишь где-то цыкает сверчок
и тихо капает вода
из поломавшейся колонки.
Морозный воздух очень звонкий,
в нём люди тают без следа.
Когда же мы начнём будить
покрытый ржавчиною разум,
чтобы стряхнуть с мозгов маразм
и вспомнить девственную пруть?
И вспомнить девственную стать
не отмороженной России?
Вот петухи заголосили
и нам пора уже вставать.

«Я шагаю по грани ВОЗМОЖНОСТИ...»

Я шагаю по грани возможности.
Я по острому краю шагаю.
Ах, какие же всё-таки сложности
по дороге к священному раю!
На краю Ойкумены и небыли,
на краю и побед и падений
мы с тобою, любимая, не были.
Я – апостол твоих откровений.
Тени нот и слагается музыка,
тени чувств – и касание взглядами.
Грань возможности съёжилась, сузилась,
и тревожные мысли:
«А надо ли?..».
Только нету на грани возможности
уцелеть без своей половиночки.
Ах, какие же всё-таки сложности
без соломинки или тростиночки!
Мы шагаем путём воскрешения.
Птица-Феникс давно уже в прошлом.
В прошлом также по грани скольжение.
Лучше думай всегда о хорошем.

«Упал и поднялся, и снова упал...»

Упал и поднялся, и снова упал —
кому-то библейская тема.
Кому-то для нынешней жизни задал —
бессмертная, в общем, дилемма.
Трирема богов проплывает в ночи,
отживших с собой забирая.
Но что же так сердце надсадно стучит,
как будто костёр догорает.
От рая ключей не найдёшь, не ищи,
ты долго деньгам поклонялся.
Но, чу! Даже космос предсмертно трещит
и парус триремы порвался.
Остался лишь вздох так похожий на хрип.
И каменный лик изваянья
вдруг выдавил слабый беспомощный всхлип:
— О Боже, прошу покаянья!..

«Спит зима в неусыпной метели...»

Спит зима в неусыпной метели
и фонарь засыпает, скрипя.
Листья в рощах давно облетели,
о неслыханном прошлом скорбя.
Нешутя, потешается выюга
и не зря разозлился мороз.
Мы опять не отыщем друг друга,
чтоб решить вековечный вопрос:
кто же прав в бесконечном бесправье?
Что нам нужно: любить или жить?
Не всегда человеку по нраву,
коль метель принимается выть.
Нить безвременья стянута снами
и мечтой о грядущей судьбе.
Что случилось с несчастными нами?
Ты нужна мне.
Я нужен тебе.
Так о чём же дебаты и споры?
Что опять не смогли поделить?
Жизнь закончится, может быть, скоро,
значит, нужно и + жить, и любить!

«Снова собираю я камни по России...»

Снова собираю я камни по России,
но для вас за пазухой камень не держу.
Как же мы в Совдепии власть превозносили?
Как же вновь поверили смуты миражу?
Русь моя стеклянная, но не лыком шита.
Бликами на облаке вздохи октября.
Сколько раз расстреляна? Сколько раз убита
нами россиянами русская заря?!
Эх, тоска-кручинушка, русская зазноба,
расскажи бывальщину, спой мне о любви,
о вдове молоденькой плачущей у гроба
и о храме Господа на людской крови...

«Унылый дребезг. На столе...»

Унылый дребезг. На столе
стояли рядом два бокала,
как будто комната дрожала
и отражался дым в стекле.
Меня соборность пустоты
влечёт к себе всё реже, реже.
Мы снова те, но и не те же
в мирских забавах суеты.
Мечты! Как это далеко!
Узнать вам будет интересно:
один бокал упал и треснул,
и это было так легко!
Я вижу, женщина идёт
ко мне...,
но в платье подвенечном.
И мы танцуем с ней беспечно
из века в век, из года в год.
Кто вам сказал, что смерть страшна?
Она ступает, словно пава.
Кому-то будет не по нраву.
Ну, что ж, такие времена...

ДРАМА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «МАСКАРАД»

К чему ненужные слова
и жалкий лепет оправданья?
Наш «Маскарад» едва-едва
не стал окном воспоминанья.
Ревную я, ревнуешь ты.
О, как знакомы эти звуки!
Средь повседневной суеты
мы соглашаемся на муки.
Любовь и ревность, и тоска, —
но что из них, скажи, сильнее?!
Как будто пуля у виска
или петля на тонкой шее.
Наш «Маскарад» по всей Москве
рассеял радостные лица,
и ревность тает в синеве,
а мне мороженое снится...

«Осенний день и непогодь горька...»

Осенний день и непогодь горька,
как будто обмороженные тучи
поплыли на восток наверняка.
Они-то знали, где им будет лучше.
Они-то знали, встретит их восток
лучом надежды.

Это ли не диво?!

Поплыли тучи, а восток далёк
и манит всех мечтой —
там жизнь красива.

И тучи возвращаются назад,
на запад – это будет ближе.
Но запад исчезает как слеза,
советуя лететь чуть-чуть пониже.
А человек, подобно мотыльку,
остервенев от страсти и порока,
вдруг пишет стихотворную строку
от запада до самого востока.

«Москвабад – словно острая кость...»

Москвабад – словно острая кость
это слово впивается в горло.
Каждый третий – не друг и не гость,
а разносчик прогорклого горя.
Позабыт и покой, и уют.
Суматоха. На улицах пробки.
На углу москвичи продают
первородство за миску похлёбки.
И на улицах драки за жизнь
под названьем «фанаты от спорта».
Русь не помнит таких дешевизн,
мир не видел таких натюрмортов.
Всюду царствует ложь и хандра,
поклоненье жидовской Мамоне.
Что ж, покойнички, может пора
на погост, поклонившись иконе?
Где ты наша рассейская прыть:
собирать загодя и с запасом?
Не пора ли червей покормить
алкоголем пропитанным мясом?
В мире воздуха царствует князь.
Но послушай, калека от века,
вспомни: ты человек или мразь,

не достойная быть человеком?

НАЕДИНЕ С ПАМЯТНИКОМ Н.В. ГОГОЛЯ

Рукописи не горят!
М.А.Булгаков, «Мастер и Маргарита».

Я в этот дворик прихожу,
я к этой статуе причастен,
как будто здесь я нахожу
слова, над коими не властен
всепожирающий огонь...
А он сидит и словно в печку
установил взор, его ладонь
вцепилась в кресло.
Но беспечно
огонь сожрал его труды,
его мятущуюся душу.
Он сделал шаг – так будет лучше,
он видел в небе знак беды.
Из жизни вырван целый миг:
холодный вечер, тени, пламя...
и целый космос под ногами,
и на губах застывший крик.

ПРИНЦИПАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Кому нужна сейчас война?
Кому она приносит золото?
Вьетнам, Камбоджа – чья вина, —
и югославы – брат на брата?
Ни Хиросима, ни Иран
нам не поведают о сути
дельцов, танцующих Канкан
американской внешней сути.
Жидомасонское ворьё
лишило всех нормальной жизни.
И что ни доллар, то гнильё
и пустоцвет моей отчизны.
Как богатейшая из стран
вдруг всем должна до посиненья?
Наш гной, сочащийся из ран,
стал темой для стихотворенья.

ОВИДИЙ

Я люблю этот мир, ненавидя.
Ненавижу я всех, но любя.
Кто-то плюнет с досады, обидит
и обидится, слезно скорбя.
Но, хрипя, словно лошадь на скачке,
я взлетаю над скудным быльём,
не желая обид и подачек —
не для этого, в общем, живём.
Мир мой суетный, разносторонний,
день мой тёмный и светлая ночь.
Кто-то горькое слово обронит,
отвернувшись, направится прочь.
Кто-то скажет:
– Дерзай! Ведь на этом
все свершения – выше рутин!
В январе я мечтаю о лете,
а в июле – о хрупкости льдин.
Я сегодня российский Овидий,
обличаю и всех и себя,
но люблю этот мир, ненавидя.
Ненавижу я всех, но любя.

«Нас суета суёт в столпотворенье...»

Нас суета суёт в столпотворенье
прозрачных бед, надуманных проблем.
А я опять пишу стихотворенье
на перекрёстке мыслей и дилемм.
Опять в сознании что-то происходит —
ты замечаешь, замечаю я.
Тоскливо ветер по аллеям бродит,
подчёркивая смысл небытия.
Моя родная, не грусти о жизни!
Но... мы жалеем всё-таки о ней.
Мы с ней чумные.
Кто из нас капризней
и суматошней в сутолоке дней?
Коней по кручам гонят поневоле,
так повелось в соцветии светил.
Глашатай жизни Александр Холин
опять кому-то ногу отдал.

«Суки вонючие правят страной...»

*Над обрывом, по над пропастью, по самому по
краю,
я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...*

В. Высоцкий

Суки вонючие правят страной
до деградации, до иступленья.
Снова мы ищем: а кто же виной
пьянству, дебошам среди населения?!
Рыба всегда загнивает с хвоста! —
этому с самого детства учили.
Зрит Иисус безразлично с креста:
жили без Бога и получили...
Были и небыли правят страной,
пьяный народ остаётся без воли.
Взгляды прицельные чую спиной.
Путь ко спасенью – набат колоколен!
Путь ко спасенью опять через кровь,
быдло не слезет с престольного трона.
Может быть всё же Надежда, Любовь
с Верой отнимут у быдла корону?
Может быть, если, авось, как-нибудь,
как бы уладится всё, утрясётся...

Снова блестит ядовитая ртуть,
снова поэт над обрывом несётся.

«Как по канату, по судьбе...»

Как по канату, по судьбе
иду и просто улыбаюсь.

Где я при жизненной гульбе
не оступлюсь и не сломаюсь?

Пусть не игрок, но не играть
я не могу.

Игра со смертью
поможет смертным отыскать
свой путь в небесной круговерти.

Поможет истину найти,
где только ложь, где только ересь.

Иного нет у нас пути.

Сварите мёду!

Где мой вереск?!

«Слушаю Цоя...»

Слушаю Цоя:

– Мы ждём перемен...

Правильно! Ждём! Но чегой-то заждались.

Всякий в России, как тот Гуимплен:

хочется – жди. Но чтоб все улыбались!

Американо-кремлёвскую спесь

жид примеряет на лико России.

Русский мужик, ты подумай и взвесь:

смог ли масон влезть на место Мессии?

Марш миллионов... и марши времён...

люди бредут под всевидящим глазом!

Ждём перемены под песни ворон,

чтобы погибнуть на дне унитаза.

Взять бы и разом смести жидовню,

верных торговцев страной и народом.

Ждём перемен, но дорогу огню

дать не способны, не те уже годы.

Что же, мужик, поднимайся, иди,

важно ступи на майдан Москвабада,

и... на помойку!

И крик из груди...

Только кричать в переменах не надо.

БАЛЛАДА ОБ ОТШЕЛЬНИКЕ

По над озером скит
на крутом берегу,
как твердыня стоит
и в жару, и в пургу.
Там отшельник живёт,
Бога молит за нас:
не за смерть, за живот
каждый день, каждый час.
Он за церковь скорбит,
за державу в огне.
Русский дух не убит,
но потоплен в дерьме.
Патриарх-продавец
в церкви трон захватил.
Православыю конец,
и молиться – нет сил.
Скоро будет Покров,
только как ни крути,
на Кремлёвских воров
где управу найти?
Тени красной звезды
бьют прицельно и влёт.
С патриархом жида
опоили народ.

Покосились кресты,
разбуянилась гнусь,
старец молит святых
заступиться за Русь.
Всякий русский живёт
от тюрьмы до сумы.
Веселится народ —
пир во время чумы.
Скоро, скоро Покров...
но молиться нет сил.
Сколько надобно слов,
чтоб Господь нас простил?
А погода не спит
холод сводит долги.
По над озером скит
в клочьях белой пурги...

«Ласкают листья позолотой...»

Ласкают листья позолотой,
как сон, ложатся на бульвар.
Оборвалась на скрипке нота
под колдовством осенних чар.
Пиар для осени нехитрый,
но защемило что-то грудь,
и парка яркая палитра
разворошила в сердце грусть.
Живём, о прошлом не жалея,
но вдруг природа позвала:
как взрыв возникла Лорелея
и в лес туманом уплыла.
И вот уже листвой распята
мечта...
без болей, без прикрас.
Ах, не будите то, что свято,
что скрыто памятью от глаз.

«Старый город, задушенный смогом...»

Старый город, задушенный смогом,
искривленный в улыбках блудниц.
Что сказать мне о том, о немногом?..

Нет, о многом:

о щебете птиц
по Сокольникам вечером синим,
о значках из под карандаша
и как бьется то нежно, то сильно
под осиновым ветром душа.

Старый город, задушенный смогом,
вместе с ним погибаю и я.

Что с того, что мы ходим под Богом,
ничего от него не тая?

Старый город, задушенный смогом,
я его от судьбы не сберег.

Был он мне колыбелью, острогом,
станет он эпилогом дорог.

«Тень моя занавеской в окне...»

Тень моя занавеской в окне
колыхается от ветерка.
Что-то странное чудится мне
там вдали, где луна и тоска.
Где тугие, как мышцы ветров,
волны, сонно жующие тьму.
Богородицы белый покров
прикоснулся к лицу твоему.
А луна – королева зеркал —
отражает тебя в небесах.
Ночь плывет средь базальтовых скал
на пиратских косых парусах.
Вот осколок разбитой луны
покатился по берегу прочь.
И ни звука. Ни плеска волны.
Только ночь, бесконечная ночь.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Сизая луна по серебру
северного неба. Полнолуние.
Дикие собаки на юру
воют нескончаемые руны.
Струны сосен туго натянув,
ветер подвывает осторожно.
Скупость скал напомнила Гурзуф —
зимний, настороженный, тревожный.
Ложный свет невидимой звезды
я ищу на выгоревшем небе.
Пролегли нездешние мосты
в самую невиданную небыль.
Болью не стихающей плывет
свет луны на бледном небосклоне.
Но никто с собой не позовет
и коней по круче не погонит.
От погонь за эхом я охрип
и теням застенчивым не верю.
Ах, верните запах первых лип,
первый всхлип и первую потерю.

«Хлопья снега кружат над землей...» 17– 21.08.91 или агония СССР

Хлопья снега кружат над землей.
Обгорелой запахло зимой.
И обжег перегаром мороз
крючковатые пальцы берез.
А дома все как есть – нагишом.
То, что я здесь искал – не нашел.
И по этой сгоревшей зиме в беготне,
колготне,
толкотне,
пробираюсь дворами домой,
и поземка кружится за мной.
В черной выюге на черном снегу
умереть не могу,
но и жить не могу.
Меж деревьев и каменных глыб
я ослеп,
постарел
и охрип.
Впились в небо, как в край полыньи,
крючковатые пальцы мои.

«Словно снег растаяла свеча...»

Словно снег растаяла свеча,
оплыла под гром аплодисментов.

Чахлый век вздыхает у плеча,
задыхаясь от экспериментов.

От тягучих волоков в пыли
до полуразрушенного БАМа
шорохи зашторенной земли,
словно слезы взорванного храма.

А сугробы тают, как свеча,
землю обнажая понемногу.

Только рукавица палача
молится секире, словно Богу.

«Прошу, не верь в опалу октября...»

Прошу, не верь в опалу октября.
Он просто опалён,
но не опален.
И вскинулась зеленая заря,
не замечая ржавчин и окалин.
Не замечая листьев круговерть,
лесных теней обманчивые пляски.
И все это окрашивает смерть
в неудержимо жизненные краски.
И не было опалы октября,
лишь листья опаленные опали,
целуясь на ветру и говоря
прохожему про все свои печали.

«Так неуютно к шороху за дверью...»

Так неуютно к шороху за дверью
прислушиваться шумною зимою,
когда погасли крылья за спиною
и слышу всюду:
– Я тебе не верю!
Пустое кресло,
сумерки,
свеча,
и старые потрепанные книги,
и капли из-под крана,
как вериги,
и безысходность каплями в плеча.
Колчан часов выбрасывает стрелы
в мои минуты,
годы
и века,
но «я не верю!»
вдруг издалека
мне кто-то бросит безрассудно смело.
Чему не верят?
Содранным рукам
или глазам, до срока опустевшим,
или стихам, родиться не успевшим,

как маленьким печальным родникам?
Я не прошу заступничества зим
перед своей зимою неизбежной.
Но, может, на скрижали этой грешной
мне скажет вдруг такой же нелюдим:
– Я верю, друг, и верую стихам.

«Жалкий жест...»

Жалкий жест.
И сожаленье.
И рычание толпы.
Аура стихотворенья.
И гробы.
Гробы.
Гробы.
Топот ног.
Придых в затылок.
Бесконечный страшный сон.
Звон к вечерне.
Звон бутылок.
Пустословия трезвон.
Снова встретят по одежке
да верёвкой через сук.
Со стола сметаю крошки —
вороньё кормить из рук.
И небрежным жестом царским
душу чёрту отдаю.
И окно бельмом январским
смотрит в комнату мою.

«Мне бы лечь и уоставиться в ночь...»

Мне бы лечь и уоставиться в ночь,
и послушать гудящую печь.
Воду в ступе устал я толочь —
мне бы этой игрой пренебречь.
Но вокруг пустота – толчея,
все со ступками лезут вперёд,
чтоб водицы набрать из ручья.
И толчёт, и толчётся народ.
Я устал в пустоте от вещей
и не стал пробиваться в струю.
Вон нашёлся чудак половчей —
мигом ступку присвоил мою.

«Навзрыд...»

Навзрыд,
навзрыв,
навзгляд,
до шёпота навскрик,
когда терзает ад,
когда не дорог миг.
Сказать,
спросить,
успеть
не бросить в бранный шум
залапанную медь
своих протяжных дум.
Не сгинуть,
не пропасть,
растерзанным на треть.
И низко-низко пасть,
что б высоко взлететь.

КНЯЖНА

Крепки крепостные ворота
и глыбы гранитные – в рост.
Коль скоро посадят кого-то,
то выход один: на погост.
Здесь узники чахнут и верят
в скончаемость горя и тьмы.
И дремлет тюремщик-тетеря
в незыблемом мраке тюрьмы.
Княжна Тараканова к двери:
– Тюремщик,
ну, что ты там сиднем сидишь?
Мне было виденье —
грядёт наводнение,
я вижу нашествие крыс!
Тюремщик лениво прошамкал:
– Иди ты – гляди ты кака волхова, —
смахнул таракана на пол, —
зараза, ан тоже живёт одна...
Едва по задворкам забористый ветер
завыл, отпевая живых,
тюремщик очнулся, тюремщик приметил:
острог непривычен и тих.
И лихо не бродит в глубоких подвалах,
не лязгают стражи штыки,

и крысы не хрюкают в драках и сварах,
лишь бури безумной шаги
к стене подбираются ближе
и ближе,
лишь где-то запела вода...
И снова из камеры слышится:
– Вижу —
грядёт наводнение. Беда!
– Вот ведьма, накликала всёжа-ки бурю,
так жди – дожидайся беды, —
и он, озабоченно брови нахмуря,
по лестнице вверх – от воды.
А вон и подвальные рыжие твари
хвостами метут ступеня.
Хоть то на потопе,
хоть то на пожаре —
бегут от воды и огня.
Княжна Тараканова к двери:
– Тюремщик, тюремщик,
открой!
А по полу, зубы ощеря,
крысиный испуганный рой.
Она на лежанку – вода подступает,
а крысы ползут и ползут,
и – к ней разъярённой оскаленной стаей...

– О, Боже, меня не спасут!
О, Боже, не мало ли я нагрешила
за этот терновый венец?

Её оставляют последние силы,
никто не поможет... конец...

И вдруг прошептала:

– Тюремщик-Малюта,
во храме за мя помолись.

Я слышу в последние эти минуты
другой отвратительный писк.

Я вижу в России нашествие смуты,
нашествие смуты и крыс.

«Два зеркала...»

Два зеркала.

Сияние свечи.

И, словно маятник, от одного к другому

блуждает мальчик – мотыльком в ночи.

Блуждает светом солнечным по дому.

Он не от мира грешного рождён.

Он между двух мгновений —

гений света,

но он навеки ночью осуждён

на схиму одинокого поэта.

От зеркала в минувшее полёт

до зеркала в грядущее,

земное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.